

УДК 395

Магистрант *Маишезова Л. Р.*
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик

БРАЧНЫЙ ВЫБОР (по фольклорным источникам)

Тема добрачного ухаживания – это одна из тем, позволяющая лучше понять историю повседневности наших предков, соприкоснуться с тайными переживаниями мужчин и женщин, влиявшими на их связи и отношения. Одним из главных компонентов данной проблемы является выбор невесты или жениха, кто и как участвовал в нем.

В данном исследовании мы предприняли попытку показать как осуществлялся брачный выбор на примере фольклорных материалов. Незнание адыгами письменности, и, следовательно, отсутствие писем, дневников и воспоминаний, относящиеся к прошлым векам, усложняют доступ к частным переживаниям отдельного человека, осмыслению современной ему действительности. В этом случае компенсировать пробел помогают фольклорные источники. Лирические песни носят очень личный характер, и оставшийся безымянным автор доносит до потомков свои глубокие переживания, благодаря которым мы можем воссоздать внутренний мир отдельных людей: горе покинутой женщины, любовную страсть юноши, тоску по любимому. Это позволяет проникнуть в мысли и чувства человека, представляющего часть общецисторического процесса.

У кабардинцев и балкарцев не было обычая пристраивать девушку. Ее замужество – это почти политический акт, способный усилить или ослабить авторитет, славность и процветание породнившихся фамилий, поэтому участие старших родственников в выборе жениха и невесты имело огромное значение [1]

Материальные траты, связанные с формированием новой семьи, вместе с авторитарной властью родителей жениха и особенно невесты были причиной преобладания браков по выбору и по воле не самих брачующихся. Семьи жениха и невесты руково-

дествовались не только материальными соображениями, но и должны были принимать во внимание мнение родни и соседей и, прежде всего, считаться с рядом традиционных ограничений.

Современный писатель Мухамед Кармоков в романе «А тополя все растут» («Шихухэриджыри мэк1») отобразил любовь кабардинской девушки Альмажан, не смилившейся с необходимостью быть в разлуке с любимым. В борьбе со своим пылким чувством она погибает [2].

В «Записках черкеса» пред нами предстает образ княжны Залихи, воспитанной в строгих правилах адыгского этикета. Но, встретив свою любовь, она находит в себе силы бороться за счастье. Правда, безуспешно, и ее судьба такова, как судьбы многих адыгских девушек, не всегда свободных в выборе своего будущего [3].

Адаты допускали только внутрисословные браки, и традиции сословной эндогамии соблюдались самым строгим образом. Свобода же собственного брачного выбора юношей была совсем не велика, а девушек и того меньше, хотя уже в предреволюционное время преобладало не столько прямое, сколько косвенное, психологическое принуждение или воспрепятствование родни к их вступлению в брак.

С этим соглашается и Шикова Т. Т.: «Выбор невесты или жениха всецело зависел от родителей, которые руководствовались только сословной принадлежностью и соблюдением имущественных интересов» [4]. Можно провести параллель с обычаями в Древнем Китае. Здесь также важнейшую роль в подборе жениха и невесты играл социальный, имущественный фактор. Родители руководствовались принципом «соответствия пары», т. е. семьи жениха и невесты не должны были значительно отличаться друг от друга по материальному достатку [5].

Девушки, лишённые возможности выйти замуж за возлюбленного, под плач гармонике втайне от родных пели о своих страданиях. Так сложены многие песни.

ТАУКЪАНСЫХУЭМЫЗЭ ЩЫК1Э

СИ ПЭШЫРНЭХУУЩЫТАЩ.

ТАУКЪАНСЫХУЭЗЭРИ,

СИ ПЭШЫР К1ЫФ1 ХЪУАЩ ...

СИ АДЭРАПХУЗДИЗУГУБЫДЭУЩЫМЫТАМ,

СИ ДЕЖ И КЪАРУРЦИГЪЭЛЬЭГЪУЭНТЭКЪЫМ.
 ТАУКЪАНУЭРКЪЫМЩЫЩКЪЫМ ЖАІЭ,
 ЩХЪЭГЪУСЭСЫХУЭМЫХЪУНУ ЖЭІЭ.
 ДЫГЪЭКЪУХЪЭЖЫХУСЫМЫЖЕЙМИ,
 ТАУКЪАН КЪЭКІУЭХУ СЕЖЪЭНУЦ...

Моя комната светлой была сначала
 Пока не узнала я Таукана,
 Но темною комната стала.
 Когда повстречала я Таукана.
 Не будь мой отец бессердечным и строгим,
 На мне свою не показывал силу.
 Говорят Таукан незнатного рода.
 Говорят, что не быть мне его женою,
 Все равно буду ждать, не спать до восхода
 Может быть, Таукан придет за мною [6]. (ПЕРЕВОД АВТОРА)

Самовольный уход, бегство невесты с женихом («дэкІуасэ») – явление редкое, «вызывающее всеобщее осуждение. Сбежавшая с парнем, наносит позор на всю свою семью. Кстати, это одна из главных причин, заставляющих девушку предложить своему жениху, умыкнуть ее. Брак через умыкание считается более пристойной формой, чем бегство. И это понятно: бегство разрушает весь сложившийся веками порядок женитьбы, свадьба в этом случае иногда вообще не играется или играется очень скромно после длительного промежутка времени. Что же заставляет молодых людей прибегнуть к столь предосудительной форме женитьбы? Это, как указывалось выше, сопротивление и родителей невесты, и родителей жениха.

В таком случае они убегают, поселяются далеко от своих родных и живут вместе, ожидая, когда их простят старшие. Как правило, после рождения ребенка их прощают. Но бывало и так, что суровый отец до конца своих дней не разговаривал со своей, как ему представлялось, опозорившей его дочерью.

Уместно будет привести отрывок из «Песни об Адиюх»:

СЫНОШЭСРИСЫНЫДОЖЫР, АР СИ ІЭДИИХУ,
 СЫНЫДОЖРИСЫНОЖЪЭЖЫР, АР СИ ІЭДИИХУ.
 ЩХЪЭГЪУБЖЭШХУЭР КЪЫЗЭІУОДЗЫР, АР СИ ІЭДИИХУ,

Мы си шыплъмиудызоДЗР, ар си Iэдииху.
 Дыныдожридыножьэжыр, ар си Iэдииху,
 Гъуэгу дымыц1ыхумкIэ дунэт!ати, ар си Iэдииху...

Я скачу к тебе, вокруг темно,
 О, моя, Адиюх.
 Открываешь ты окно,
 О, моя, Адиюх.
 Ты со мной садишься на коня,
 О, моя, Адиюх
 Крепко обнимаешь ты меня,
 О, моя, Адиюх
 Я свернул неведомым путем,
 О, моя, Адиюх [7].

Предмет этой песни составляет жизнь сердца, конкретнее — переживание гибели любимой. Между любящими молодыми возникла родовая кровная вражда — брак «законным» путем стал невозможен. Тогда юноша и девушка решают сбежать, несмотря на то, что бегство с женщиной считалось позором.

В пути, когда они ехали лесом, испуганная взлетом фазана лошадь метнулась в сторону. Адиюх упала и разбилась насмерть.

...Дэ диунэуэусхьынут, ар си Iэдииху,
 Хамэхьэдэрзехьэгъуейщ, ар си Iэдииху.
 Фэ фи унэусхьыжынут, ар си Iэдииху,
 Уианэ – уиадэруихьэрэмщ, ар си Iэдииху...

Я б унес тебя к себе домой.
 О моя Адиюх,
 Мой отец и моя мать от меня отреклись.
 О моя Адиюх,
 Я б тебя к тебе понес;
 О моя Адиюх,
 Твой отец и мать от тебя отреклись... [8]

Юноша сам сложил «Песню-плач, горяя над телом любимой. Это было несвойственно адыгским мужчинам — плакать, пока-

зывать свою слабость, тем более слабость к женщине. Это стояло в полном противоречии всем традициям — жизненным и песенным, устоям *адыгэхабзэ*.

Тем не менее, адыгское общество не только не осудило юношу ни за побег с любимой, ни за песню, полную слез и сетований. Напротив, общество приняло песню «Адиоух» с сочувствием, и начало петь — ее пели бродячие джегуакои певцы, пели юноши и мужи, девушки и женщины, пели в аристократических кунацких и в бедняцких мазанках. Как отмечал Заур Налоев, это была полная победа нового типа песен, это была победа гуманистического понимания человека. Естественно, это не может означать, будто общество вдруг прозрело и отказалось от консервативных, реакционных элементов своего «*хабзэ*», от негуманистического отношения к жизни сердца, к правам влюбленных [9]. Аналогична судьба Ляцы в поэме Али Шогенцукова «Камбот и Ляца» [10].

Для женщины нет большего несчастья, чем нелюбимый муж. В основе любви у адыгской женщины обязательно лежит уважение к достоинствам супруга, его рыцарским и воинским качествам, его уму добродетелям, ее любовь, прежде всего, не эмоциональное переживание, но деятельная способность. Поэтому так несчастна героиня известной песни-плача «Химсад-гуаша» (*Химсад, Хымсад*. – Л.М.):

Сэсыгуащэт, сыгуащэмыгъуэти,
 Гуащэпсомисафлэтхэмыщклэт, рэтлэ,
 Тальостэнхэсыщыранысэмэ
 Жыхафэри си шэджэгъуаклуэт, рэтлэ,
 Нэгъуеижьгушэмэсыщыратыжмэ,
 Мыжьыкъалащэрикъысщлэмыхъэжи, рэтлэ.

Гуаша я, Гуаша несчастная,
 Все Гуаши меня жалеют.
 Татлостановых снохой когда я была.
 До порога мой путь полдневный был.
 Нелюбимому мужу, когда меня отдали,
 Мужичкого мерина обгонять стала... [11]

По преданию, дочь верховною князя Кабарды Кучука Джанхотова красавица Химсад, вышла замуж за малоизвестного мало-

кабардинского князя Тайсултанова тайно, по обряду умыкания. В первую брачную ночь она трагически стала вдовой, затем против воли ее выдали замуж за ногайского хана Беслана Тугана.

Редкую посмертную судьбу-славу Хамсаде (по первому мужу Тайсултанова (Татлостанова), по второму — Туганова) принесла широко известная народная песня, названная ее именем «Песня-плач Хамсады», сложенная ею самой. «Хамсада плачет, в песню слагает» — так заканчивается песня [12].

Родители старались собрать больше информации (щІэупщІэ) о будущей невесте. Если в брак вступал князь или дворянин, то в первую очередь наводились справки о сословном имущественном состоянии невесты, удовлетворяет ли эта семья всем условиям обычая, то есть хорошего ли она происхождения. В крестьянских семьях при выборе невесты родители жениха обращали большое внимание на физические качества невесты, то есть она должна была обладать крепким здоровьем и силой, так как в первую очередь в молодой женщине видели нового труженика и, во-вторых, продолжательницу рода. Но и здесь немаловажную роль играло хорошее общественное мнение, как о самой невесте, так и ее семье.

Не следует с полной уверенностью утверждать, что у кабардинцев во всех случаях брачного партнера выбирали родители. Известная свобода черкешенок способствовала свободному выбору добрачного партнера, да и сами молодые иногда могли отстаивать свои права в вопросах бракосочетания. Тому свидетельство слова из песни "Зеленоглазая":

Цыхурерыщмэ, сыт ІэщІэкын?
Льягъуныгъэрпэжмэ, хэтпэльэщын?

Если человек упрямый, что потеряет?
Если любовь верная, кто помешает? [13]
(перевод автора)

Среди адыгской молодёжи использовался особый тайный язык – щІагъыбзэ (букв.: подъязык). *ЩІагъыбзэ* построен по типу метафорических языков. Иносказание художественное, придающее речи необычайную изысканность. Владение этим

языком предполагает не только знание некоторых условностей, но и сильно развитое образное мышление. По содержанию и отчасти по форме он напоминает язык западноевропейских средневековых рыцарей, изъясняющихся с дамами своего сердца. Например, в повести «Чёрная бурка» («Щлакluэ фlыщlэ») С. Х. Мафедзева: *«Къуришыцхъэмдыгъэщопс, къурилгъапэмпсынэ щlоож! Зумыусыгъуэджем псы щlыlэ шынакъдыздефэнт»*. («На вершине скалы солнце сияет, из подошвы её течёт холодная ключевая вода. Если бы ты была более благосклонна, мы бы вместе выпили чашу холодной воды»). Таким образом, главный герой повести сообщает о своих чувствах любимейшей ему гордой девушке. В прошлом, прямое объяснение в любви считалось грубым и неприличным. Ярким примером объяснения в любви является "Песня о моей Пак". Девушка и юноша соревнуются в остроумии и находчивости:

Сымаджэшхуэсыхъурэ,
 Пэмсыхэгъуальхъэм, сыт пщlэжын,
 Пэмсыхэгъуальхъэм сыт пщlэжын?
 –Сымаджэшхуиухъурэ,
 плэмухэгъуальхъэнищыхъумдеж,
 Сэ, lэзэшхуэсыхъурэ,
 Узгъэхъужым, сыт пщlэжын, узгъэхъужым сыт
 пщlэжын?
 –Уэ, lэзэшхуэухъурэ, сыбгъэхъужынищыхъумдеж,
 Уилэзэгъуэимытыу,
 Сыплэщlэллэм, сыт пщlэжын, сыплэщlэллэм, сыт
 пщlэжын?
 –Силэзэгъуэимытыу, услэщlэллэнищыхъумдеж,
 Джэбынхужьисыхъурэ,
 Зыносшэкlым, сытпщlэжын, зыносшэкlым,
 сытпщlэжын?

Она:
 Если буду я больною,
 Буду бредить день и ночь,
 Что ты сделаешь со мною,
 Чем ты сможешь мне помочь?

Он:
 Стану я живой водою
 И целебною травою.
 Что ты скажешь мне в ответ?
 Она:
 Ну, а всё же если веки
 Я закрою навсегда,
 Если я усну навеки, —
 Что ты сделаешь тогда?
 Он:
 Белым саваном в могиле,
 Обовьюсь вокруг тебя. [14].

Щагъыбзэ очень древняя форма общения. Кроме щагъыбзэ, существовал ещё такой тайный язык, как *хъуэрыбзэ*. *Хъуэрыбзэ* использовался молодёжью, как форма установления, выяснения отношений, но перерастающая в словесную перепалку, своеобразное соперничество, в котором выигрывает наиболее красноречивый. *Хъуэрыбзэ* – прежде всего язык сватовства. Позволим себе несколько фрагментов *хъуэрыбзэ*:

Хъыджэбзым:
 Сэсызыхухэтуэпхуэдэкъым,
 Сэсызыхуэбгъадэсыщыщкъым,
 Узыщыщыр къэщ1эж.
 Уижыпиль зэгъащ1э,
 Уи 1эмыщ1э ильзэгъапщи,
 Уэ пщ1энур пщ1эжынщ.

Щ1алэм:
 Сэ сщ1эн сымыщ1эжу
 Уэ соупщ1ыжакъым.
 "Жэуапмыфэмыц" –
 Жыхуа1эращи,
 Си щхьэр умыгупэмц1,
 Си ц1эр умыгъэульий,
 Лъэуеймельэжаджэдуэ,
 Дунейр къутэжыхук1э
 Мисапхуэдэуудэсынщ.

Девушка:

Я не для таких, как ты,
 Не из тех, с кем меня сравниваешь,
 Кто ты сам вспомни.
 Что у тебя в кармане есть, узнай,
 Что в руках есть рассуди,
 (Тогда) будешь знать, как тебе быть.

Парень:

Я, не зная как мне быть,
 Тебя не спросил.
 Ответ (твой) «ни то, ни сё» –
 Что говорится,
 Голову мне не морочь,
 Имя моё ржавчине не подвергай,
 Словно курица на насесте,
 Пока мир не рухнет,
 Вот так и просидишь [15].

Как видно из этого отрывка, *хъуэрыбзэ* являет собой пример словесной перепалки, спора. Когда кабардинцы говорят «*Хъуэркъызидзащ*», это следует понимать как критическую, язвительную реплику.

Одним из самых ярких примеров из множества существующих *хъуэрыбзэ* является разговор Малечипх с Пануко из нартского эпоса "Как Малечипх с Пануко танцевали удж":

Мэлычыхъу цык1уу тхэкъан
 Сизыкъаныр нарт унэщ,
 Унэгуащэ зыщ1ынумэ
 Маржэ, ущымыуэ...
 Жи1эу, Мэлычыхъурщыхигъэзыхым
 К1ыхьл1ыхь 1уэхур имыщ1ыу
 К1эщ1ыу къыжыре1э:
 Минрэ сыт жып1ами
 Уафэм пк1альей къысхуебдзами,
 БдзыимыхуПэныкъуэ,
 Пэныкъуажьцейшхуэ,
 Уащхъуасыпхуэмей!_

Ар Пэныкьюэээхех,
 Зэпхольэтцэбзэшэу,
 ЗольэтэкIри мэхьущIэ,
 Дзыкьыхузэхельхэ:
 - Мэлычыхьу цIыкIуу иэгбуд,
 Уд фызыжь цIыкIуу щIыкIей
 Къазкъурмэкъеймэсталъэ,
 Гуэгушхульэхьуржын,
 Джэдблыпкъщхэкьюэдыд,
 Джэдульэдийубыжьыпхэ,
 Ухьарзынэуиумыгугъэ,
 Унэджокьэнэхь сынэхьыкIэ,
 Нартхэм я нартыжьырсэркъэ!

... Эй, красавица, подумай!
 Род мой славится меж нартов.
 Лучше не спеши с отказом!
 Не любя путей окольных
 И мужей самодовольных,
 Дочь Малеч не пожелала
 Говорить обиняками:
 "Не к лицу тебе кольчуга,—
 Ты не видел поля брани,
 А к лицу тебе — дерюга!
 Твой бешмет — из грубой ткани.
 Словно раненный стрелою,
 Метко пущенной из лука,
 Разразился речью злою
 Незадачливый Пануко:
 "Проклят будь твой взор змеинный!
 Ты — сварливая ворона!
 Ты — орех зеленый, терпкий!
 Ты нас всех пронзить готова
 Шилом из куриной кости!
 Злости у тебя избыток,
 Словно желчи у индюшки!
 Молча когти выпускаешь
 И царапаешь украдкой:

У тебя повадка кошки!
 Не считай себя богиней!
 Ты подстать игле, застрявшей
 У гусыни в узком горле!
 И мечтать ты недостойна
 Обо мне — о муже славном!
 Нарг из нартов, я не хуже
 Унаджоко молодого! [16]

У молодежи существовали свои идеалы, которые нашли отражение в фольклорном наследии кабардинского народа. Кабардинку прельщали не богатства, не красота мужчин, а удаль и храбрость, доблесть и слава, воспетые народом:

Сэзыыхуейщауэрнывжеслэнц:
 Шагъдийм и пцлэгъуэплъыр бом кыщцлишу,
 Сауруанэ фыщцэр кытрипцэу,
 Зызэщикъузэрэдэшэсыкыу,
 Ужьэухъыджэбздахэхэркыыхуэусэу,
 Дзэшхуэрзауэмщыкыуэклэ ар шу пашэу,
 Дзэшхуэмкыагъэзэжмэ, ар шу клашэу,
 Биирфочзэхэшиеклэ кыпэувми,
 Джатэгъэжэнаклэ пэувыжу,
 Сэзыыхуэзгъафлэримисапхуэдэщ.

Если хотите послушать меня, —
 Нужен такой мне жених.
 Чтобы в седле он помчался верхом...
 Чтобы красавицы пели о нем.
 Чтобы казался он страшным врагу:
 Я для такого себя берегу! [17]

У молодого человека в свою очередь существовал идеал жены. Она должна была быть красивой, остроумной и находчивой, гостеприимной и доброй, верной в любви и хорошей матерью, постоянной помощницей мужа, большой мастерицей и хорошей хозяйкой.

Нэ фыццитыркысхузэтэх,
Сигумильриуэкызэхэх.
Дуней фыгъуэхэруэсхузэхъуэкI,
Насып вагъуэуиуэкысхущIэкI.

Свои черные глаза для меня открой,
Что в сердце моем услышь.
Блага мира ты мне измени,
Звездою счастья мне явись. (перевод автора) [18]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Текуева М. А.* Общество заставляло даже очень придирчивую девушку выйти замуж // *Горянка*. №33. 2009.
2. *Кармоков М.* А тополя все растут. Нальчик, 1994. – 384 с.
3. *Каламбий.* Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 51-80.
4. *Шикова Т. Т.* Об условиях и формах заключения брака у адыгов в дореволюционном прошлом // *Ученые записки КБНИИ*. Т.16. Нальчик, 1959. С.129.
5. *Семья Древнего Китая. Брак и взаимоотношения полов.* <http://stroscha.livejournal.com/3014.html> 25.04.2011. 10.23.
6. Из кабардинской народной лирики. Нальчик, 1958. С. 89-90.
7. Указ.соч. С. 96.
8. Указ.соч. С. 97.
9. *Налоев З. М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. С.88.
10. *Шогенцуков А.* Камбот и Ляца. Нальчик, 1985. 112с.
11. *Шауцукова Л. Х., Хутова Е. Р.* Этическая категория счастья в адыгской народной песне// *Культура, искусство, образование на рубеже веков*. Нальчик, 2008. С. 132.
12. *Бейтуганов С. Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С.194.
13. Из кабардинской народной лирики. Нальчик, 1958. С. 95.
14. Что ты, парень, будешь делать? http://sksongs.ru/adygskiepesnilubvi_2.php24.04.2011. 14. 23.
15. Отношение адыгских девушек и парней друг к другу. <http://adyga.org/lofiversion/index.php/t504.html>24.04.2011. 14.37.
16. <http://lib.rus.ec/b/229677/read> 16.10.12. 16.38.
17. Хацаца – красавица. http://sksongs.ru/adygskie_pesni_lubvi_2.php24.04.2011. 14. 23.
18. Кабардинский фольклор / Под ред. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 256.